

Solov'ev, Vladimir Sergeevich

Sobranie sochinenii

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ВЛАДИМИРА СЕРГѢЕВИЧА

СОЛОВЬЕВА.

т. 4

Томъ IV.

1883—1887.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе Товарищества „Общественная Польза“,

Б. Подъяческая, 39.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ

ВЛАДИМИРА СЕРГЕЕВИЧА

СОПОВРЪВА

B

4262

A2

1901

t. 4.

677143

2. 5. 58

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза“,
Большая Подъяческая, 39.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТР

Великій споръ и христіанская политика 1883.

I. Вступленіе.—Польша и восточный вопросъ	1
II. Востокъ и западъ въ древнемъ мірѣ.—Историческое мѣсто христіанства	17
III. Христіанство и реакція восточнаго пачала въ ересьяхъ.—Смыслъ мусульманства	26
IV. Раздѣленіе церквей	44
V. Византизмъ и русское старовѣріе.—Народность въ церкви	57
VI. Папство и папизмъ.—Смыслъ протестантства	70
VII. Общее основаніе для соединенія церквей	95
Соглашеніе съ Римомъ и московскія газеты 1883.	106
О церковномъ вопросѣ по поводу старо-католиковъ 1883.	111
Еврейство и христіанскій вопросъ 1884.	120

I. Почему іудейство было предназначено для рожденія изъ него Богочеловѣка Мессіи или Христа	126
II. Почему іудейскій народъ отвергъ Христа и чуждается христіанства	135
III. Судьбы еврейской и христіанской теократіи.—Россія, Польша и Израиль	143
Отвѣтъ Н. Я. Данилевскому 1885.	168

Какъ пробудить наши церковныя силы? (открытое писмо къ С. А. Рачинскому) 1885.	178
---	-----

Новозавѣтный Израиль 1885.	182
---	-----

Ученіе XII апостоловъ. (Введеніе къ русскому изданію <i>Ἀδελφὶ τῶν δούλων ἀποστόλων</i> 1886.	196
--	-----

Исторія и будущность теократіи (изслѣдованіе всемірно-историческаго пути къ истинной жизни) 1885—1887	
--	--

ПРЕДИСЛОВІЕ	214
------------------------------	-----

КНИГА ПЕРВАЯ (вступительная во все сочиненіе). Разборъ главныхъ предразсудковъ противъ теократическаго дѣла въ Россіи.	
---	--

КНИГА ВТОРАЯ. Первоначальныя судьбы человѣчества и теократія праотцевъ	302
---	-----

Примѣчаніе ко второй книгѣ	371
--------------------------------------	-----

КНИГА ТРЕТЬЯ. Національная теократія и законъ Моисеевъ	375
---	-----

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ. Завершеніе національной теократіи развитіемъ трехъ властей: первосвященнической, царской и пророческой и—переходъ къ вселенской теократіи	446
---	-----

КНИГА ПЯТАЯ. Явленіе Мессіи и основаніе новозавѣтной теократіи. Царство Божіе и Церковь	519
--	-----

ПРИЛОЖЕНІЕ.	583
----------------------------	-----

О П Е Ч А Т К А.

На стр. 178 вмѣсто: А. С. Рачинскому — слѣдуетъ читать: С. А. Рачинскому.

ВЕЛИКИЙ СПОРЪ И ХРИСТИАНСКАЯ ПОЛИТИКА.

1883

I.

Вступленіе.—Польша и восточный вопросъ.

Черезъ всю жизнь человѣчества проходитъ великій споръ Востока и Запада. Еще Геродотъ относитъ его начало ко временамъ полуисторическимъ: первыя проявленія всемірной борьбы между Европой и Азіей онъ указываетъ въ событіяхъ баснословныхъ—въ похищеніи Финикіянами женщинъ изъ Аргоса и въ похищеніи Елены изъ Лакедемона сыномъ троянскаго Пріама. Отъ такой древности этотъ споръ достигъ до нашихъ дней и доселѣ онъ глубоко раздѣляетъ человѣчество и мѣшаетъ его правильной жизни. Возникшій до христіанства, на время остановленный новою религіей, затѣмъ опять возобновленный анти-христіанскою политикою въ самомъ христіанскомъ мірѣ, этотъ пагубный споръ можетъ и долженъ быть окончательно рѣшенъ истинно-христіанскою политикою.

Какъ нравственность христіанская имѣетъ въ виду осуществленіе царства Божія внутри отдѣльнаго человѣка, такъ христіанская политика должна готовить пришествіе царства Божія для всего человѣчества какъ цѣлаго, состоящаго изъ большихъ частей—народовъ, племенъ и государствъ.

Но прошедшая и настоящая политика дѣйствующихъ въ исторіи народовъ имѣетъ очень мало общаго съ такою цѣлью, а большей частью и прямо ей противорѣчитъ—это фактъ безспорный. Въ политикѣ христіанскихъ народовъ доселѣ царствуетъ безбожная вражда и раздоръ, о царствѣ Божіемъ здѣсь нѣтъ и помину. Для многихъ этого достаточно: такъ оно есть, значитъ такъ тому и быть. Нельзя однако выдержать до конца такого преклоненія передъ фактомъ; ибо тогда пришлось бы преклоняться передъ чумою и холерою, которыя также суть факты. Все достоинство человѣка въ томъ, что онъ созна-

тельно борется съ дурной дѣйствительностью ради лучшей цѣли. Господство болѣзни есть фактъ, но цѣль есть здоровье; и отъ этого дурного факта къ лучшей цѣли есть переходъ и посредство, называемое медициною. И въ общей жизни человѣчества царство зла и раздора есть фактъ, но цѣль есть царство Божіе, и къ этой-то цѣли посредствующій переходъ отъ дурной дѣйствительности называется христіанскою политикою ¹⁾.

Согласно общераспространенному мнѣнію, каждый народъ долженъ имѣть свою собственную политику, цѣль которой соблюдать исключительные *интересы* этого отдѣльнаго народа или государства. Въ то время, какъ представители европейской цивилизаціи, англичане или французы, дѣйствуя исключительно въ своихъ національных интересахъ, самоувѣренно кричатъ объ этомъ на весь свѣтъ, какъ о дѣлѣ вполне пристойномъ и даже похвальномъ, раздаются иногда и у насъ патріотическіе голоса, требующіе, чтобы мы не отставали въ этомъ отъ другихъ народовъ и также руководились бы въ политикѣ исключительно *своими* національными и государственными интересами, и всякое отступленіе отъ такой „политики интереса“ объявляется или глупостью или измѣною. Быть-можетъ въ такомъ взглядѣ есть недоразумѣніе, происходящее отъ неопредѣленности слова интересъ: все дѣло въ томъ, о *какихъ* именно интересахъ идетъ рѣчь. Если полагать интересъ народа, какъ это обыкновенно дѣлаютъ, въ его богатствѣ и виѣшнемъ могуществѣ, то при всей важности этихъ интересовъ несомнѣнно для насъ, что они *не должны* составлять высшую и окончательную цѣль политики, ибо иначе ими можно будетъ оправдывать всякія злодѣянія, какъ мы это и видимъ. Въ послѣднее время патріоты всѣхъ странъ смѣло указываютъ на политическія злодѣянія Англіи какъ на примѣръ, достойный подражанія. Примѣръ въ самомъ дѣлѣ удачный: никто и на словахъ и на дѣлѣ не заботится такъ много, какъ англичане, о своихъ національных и государственныхъ интересахъ. Всѣмъ извѣстно, какъ ради этихъ интересовъ богатые и властительные англичане морятъ голодомъ ирландцевъ, даютъ индузовъ, насильно отравляютъ опиумомъ китайцевъ, грабятъ Египетъ. Несомнѣнно, всѣ эти дѣла впушены заботой о національных интересахъ. Глупости и измѣны тутъ нѣтъ, но безчеловѣчія и безстыдства много. Еслибы возможенъ былъ

¹⁾ Такимъ образомъ эта политика вовсе не есть *утопія* въ порицательномъ смыслѣ этого слова, то-есть такая, которая не хочетъ знать о дурной дѣйствительности и осуществляетъ свой идеалъ въ пустомъ пространствѣ; христіанская политика, напротивъ, исходитъ изъ дѣйствительности и прежде всего хочетъ *помочь противъ дѣйствительнаго зла*.

только такой патриотизмъ, то и тогда не слѣдовало бы намъ подражать англійской политикѣ: лучше отказаться отъ патриотизма, чѣмъ отъ совѣсти. Но такой альтернативы нѣтъ. Смѣемъ думать, что истинный патриотизмъ согласенъ съ христіанскою совѣстью, что есть другая политика кромѣ политики интереса, или, лучше сказать, что существуютъ иные интересы у христіанскаго народа, не требующіе и даже совсѣмъ не допускающіе международнаго *людоѣдства*.

Что это международное *людоѣдство* есть нѣчто непохвальное, это чувствуется даже тѣми, которые имъ наиболѣе пользуются. Политика матеріальнаго интереса рѣдко выставляется въ своемъ чистомъ видѣ. Даже англичане, самодовольно высасывая кровь изъ „низшихъ расъ“ и считая себя въ правѣ это дѣлать просто потому, что это выгодно имъ, англичанамъ, нерѣдко однако увѣряютъ, что приносятъ этимъ великое благодѣяніе самимъ низшимъ расамъ, пріобщая ихъ къ высшей цивилизаціи. Здѣсь, такимъ образомъ, грубое стремленіе къ своей *выгодѣ* превращается въ возвышенную мысль о своемъ культурномъ *призваніи*. Этотъ идеальный мотивъ, еще весьма слабый у практическихъ англичанъ, во всей силѣ обнаруживается у народа мыслителей. Германскій идеализмъ и склонность къ высшимъ обобщеніямъ дѣлаютъ невозможнымъ для нѣмцевъ грубое эмпирическое *людоѣдство* англійской политики. Если нѣмцы поглотили вендовъ, прусовъ и собираются поглотить поляковъ, то не потому, что это имъ выгодно, а потому, что это ихъ „призваніе“ какъ высшей расы: германизируя низшія народности, возводитъ ихъ къ истинной культурѣ. Англійская эксплуатація есть дѣло матеріальной выгоды; германизація есть духовное призваніе. Англичанинъ является передъ своими жертвами какъ пиратъ; нѣмецъ какъ педагогъ, воспитывающій ихъ для высшаго образованія. Философское превосходство нѣмцевъ обнаруживается даже въ ихъ политическомъ *людоѣдствѣ*: они направляютъ свое поглощающее дѣйствіе не на виѣшнее достояніе народа только, но и на его внутреннюю сущность. Эмпирикъ англичанинъ имѣетъ дѣло съ фактами; мыслитель нѣмецъ съ идеей: одинъ грабитъ и давитъ народы, другой уничтожаетъ въ нихъ самую *народность*.

Высокое достоинство германской культуры неоспоримо. Но все-таки принципъ высшаго культурнаго призванія есть принципъ жестокой и неистинный. О жестокости его ясно говорятъ печальныя тѣни народовъ, подвергнутыхъ духовному рабству и утратившихъ свои жизненныя силы. А неистинность этого принципа, его внутренняя несостоятельность, явно обличается его неспособностью къ послѣдовательному примѣненію. Вслѣдствіе неопредѣленности того, что собствен-

по есть высшая культура и въ чемъ состоитъ культурная миссія, нѣтъ ни одного историческаго народа, который не заявлялъ бы притязанія на эту миссію и не считалъ бы себя въ правѣ насиловать чужія народности во имя своего высшаго призванія. Народомъ народовъ считаютъ себя не одни нѣмцы, но также евреи, французы, англичане, греки, итальянцы и т. д. и т. д. Но притязаніе одного народа на привилегированное положеніе въ человѣчествѣ *исключаетъ* такое же притязаніе другого народа. Слѣдовательно или всѣ эти притязанія должны остаться пустымъ хвостовствомъ, пригоднымъ только какъ прикрытіе для утѣсненія болѣе слабыхъ сосѣдей, или же должна возникнуть *борьба* не на жизнь, а на смерть между великими народами изъ-за права культурнаго насилія. Но исходъ такой борьбы никакъ не докажетъ дѣйствительно высшаго призванія побѣдителя; ибо перевѣсъ военной силы не есть свидѣтельство культурнаго превосходства: такой перевѣсъ имѣли полчища Тамерлана и Батыя, и еслибы въ будущемъ такой перевѣсъ выпалъ на долю китайцевъ благодаря ихъ многочисленности, то все-таки никто не преклонится передъ культурнымъ превосходствомъ монгольской расы.

Идея культурнаго призванія можетъ быть состоятельной и плодотворной только тогда, когда это призваніе берется не какъ мнимая *привилегія*, а какъ дѣйствительная *обязанность*, не какъ господство, а какъ служеніе.

У каждаго отдѣльнаго человѣка есть матеріальные интересы и интересы самолюбія, по есть также и *обязанности* или, что то же, *нравственные* интересы, и тотъ человѣкъ, который пренебрегаетъ этими послѣдними и дѣйствуетъ только изъ-за выгоды, или изъ самолюбія, заслуживаетъ всякаго осужденія. То же должно принять и относительно народовъ. Если даже смотрѣть на народъ какъ только на сумму отдѣльныхъ лицъ, то и тогда въ этой суммѣ не можетъ исчезнуть нравственный элементъ, присутствующій въ слагаемыхъ. Какъ общій интересъ цѣлаго народа составляетъ *равнодѣйствующую* всѣхъ частныхъ интересовъ (а не простое повтореніе каждаго въ отдѣльности) и имѣетъ отношеніе къ подобнымъ же коллективнымъ интересамъ другихъ народовъ, такъ же точно должно разсуждать и о народной нравственности. Расширеніе личнаго во всенародное нѣтъ основанія ограничивать одною низшею стороною человѣка: если матеріальные интересы отдѣльныхъ людей порождаютъ общій народный интересъ, то и нравственные интересы отдѣльныхъ людей порождаютъ общій нравственный интересъ народа, относящійся уже не къ отдѣльнымъ членамъ другихъ народовъ, а къ цѣлости,—у на-

рода является нравственная обязанность къ другимъ народамъ и ко всему человѣчеству. Видѣть въ этой общей обязанности метафору и вѣстѣ съ тѣмъ стоять за общій національный интересъ какъ за что-то дѣйствительное есть явное противорѣчіе. Если народъ — только отвлеченное понятіе, то вѣдь отвлеченное понятіе не можетъ имѣть не только обязанностей, но точно такъ же не можетъ у него быть и никакихъ интересовъ и никакого призванія. Но это явная ошибка. Во всякомъ случаѣ мы должны признать интересъ народа какъ общую функцію частныхъ дѣятелей, но такую же функціей является и народная обязанность. Есть у народа интересъ, есть у него и совѣсть. И если эта совѣсть слабо обнаруживается въ политикѣ и мало сдерживаетъ проявленія національнаго эгоизма, то это есть явленіе не нормальное, болѣзненное, и всякій долженъ сознаться, что это не хорошо. Не хорошо международное людоедство, оправдываемое или неоправдываемое высшимъ призваніемъ; не хорошо господство въ политикѣ воззрѣній того африканскаго дикаря, который на вопросъ о добрѣ и злѣ отвѣчалъ: добро — это когда я отниму у сосѣдей ихъ стада и женъ, а зло — когда у меня отнимутъ. Такой взглядъ господствуетъ въ международной политикѣ; но онъ же въ значительной мѣрѣ управляетъ и внутренними отношеніями: въ предѣлахъ одного и того же народа сограждане повседневно эксплуатируютъ, обманываютъ, а иногда и убиваютъ другъ друга, однакоже никто не заключаетъ изъ этого, что такъ и должно быть; отчего же такое заключеніе получаетъ силу въ примѣненіи къ высшей политикѣ?

Есть и еще несообразность въ теоріи національнаго эгоизма, губительная для этой теоріи. Разъ признано и узаконено въ политикѣ господство своего интереса только какъ *своего*, то совершенно невозможнымъ становится указать *предѣлы* этого *своего*; патриотъ считаетъ своимъ интересъ своего народа въ силу національной солидарности, и это конечно гораздо лучше личнаго эгоизма, но здѣсь не видно, почему именно *національная* солидарность должна быть сильнѣе солидарности всякой другой общественной группы, не совпадающей съ предѣлами народности? Во время французской революціи, напримѣръ, для эмигрантовъ-легитимистовъ чужеземные правители и вельможи оказались гораздо больше своими, чѣмъ французскіе якобинцы, для нѣмецкаго социаль-демократа парижскій коммунаръ также болѣе свой, нежели померанскій помѣщикъ, и т. д. и т. д. Быть-можетъ это очень дурно со стороны эмигрантовъ и социалистовъ, но на почвѣ политическаго интереса рѣшительно нельзя найти основаній для ихъ осужденія.

Возводить свой интересъ, свое самолюбіе въ высшій принципъ для народа какъ и для лица значить узаконять и увѣковѣчивать ту рознь и ту борьбу, которая раздражаетъ человѣчество. Общій фактъ борьбы за существованіе, проходящій черезъ всю природу, имѣетъ мѣсто и въ натуральномъ человѣчествѣ. Но весь историческій ростъ, всѣ успѣхи человѣчества состоятъ въ послѣдовательномъ ограниченіи этого факта, въ постепенномъ возведеніи человѣчества къ высшему образцу правды и любви. Откровеніе этого образца, этого новаго чело-вѣка, явилось въ живой дѣйствительности Христа. И не должно намъ, воспринявшимъ новаго чело-вѣка, опять возвращаться къ не-мощнымъ и скуднымъ стихіямъ міра, къ упраздненному на крестѣ раздору между эллиномъ и варваромъ, язычникомъ и іудеемъ. Ста-вить выше всего исключительный интересъ и значеніе своего народа требуютъ отъ насъ во имя патріотизма. Отъ *такого* патріотизма из-бавила насъ кровь Христова, пролитая іудейскими патріотами во имя своего національнаго интереса: „аще оставимъ Его тако, вси увѣ-рують въ него: и придутъ Римляне, и возмутъ мѣсто и языкъ нашъ....у насъ есть намъ, да единъ чело-вѣкъ умретъ за люди, а не весь языкъ погибнетъ“. Умерщвленный патріотизмомъ одного народа Христосъ воскресъ для всѣхъ народовъ и заповѣдалъ ученикамъ своимъ: „шедше научите *вся языки*“.

Что же? или христіанство упраздняетъ національность? Нѣтъ, но сохраняетъ ее. Упраздняется не *національность*, а *націонализмъ*. Озлобленное преслѣдованіе и умерщвленіе Христа было дѣ-ломъ не народности еврейской, для которой Христосъ (по чело-вѣче-ству) былъ ея высшимъ расцвѣтомъ, а это было дѣло узкаго и слѣ-пого націонализма такихъ патріотовъ какъ Каиафа.—И то, что было сказано выше о политикѣ нѣмцевъ и англичанъ, нисколько не слу-жить къ осужденію этихъ *народностей*. Мы различаемъ народ-ность отъ націонализма по *плодамъ ихъ*. Плоды англійской народ-ности мы видимъ въ Шекспирѣ и Байронѣ, въ Берклеѣ и въ Ньютонѣ; плоды же англійскаго націонализма суть всемірный грабежъ, подвиги Варренъ Гастингса и лорда Сеймура, разрушеніе и убійство. Плоды великой германской народности суть Лессингъ и Гете, Кантъ и Шел-лингъ, а плодъ германскаго націонализма—насилъственное онѣмече-ніе сосѣдей отъ временъ тевтонскихъ рыцарей и до нашихъ дней.

Народность или національность есть положительная сила, и каж-дый народъ по особому характеру своему назначенъ для особаго слу-женія. Различныя народности суть различныя органы въ цѣломъ тѣлѣ чело-вѣчества,—для христіанина это есть очевидная истина. Но

если члены физическаго тѣла только въ баснѣ Мененія Агриппы спорять между собою, то въ народахъ — органахъ человѣчества, слагаемыхъ не изъ однихъ стихійныхъ, а также изъ сознательныхъ и волевыхъ элементовъ, можетъ возникнуть и возникаетъ дѣйствительно противоположеніе себя цѣлому, стремленіе выдѣлиться и обособиться отъ него. Въ такомъ стремленіи *положительная сила народности* превращается въ *отрицательное усиліе націонализма*. Это есть народность, отвлеченная отъ своихъ живыхъ силъ, заостренная въ сознательную исключительность и этимъ остріемъ обращенная ко всему другому. Доведенный до крайняго напряженія націонализмъ губитъ впавшій въ него народъ, дѣлая его врагомъ человѣчества, которое всегда окажется сильнѣе отдѣльнаго народа. Христіанство, упраздняя націонализмъ, спасаетъ народы, ибо *сверхнародное* не есть *безнародное*. И здѣсь имѣетъ силу слово Божіе: только тотъ, кто положить душу свою, сохранить ее, а кто бережетъ душу свою, тотъ потеряетъ ее. И народъ, желающій во что бы то ни стало сохранить душу свою въ замкнутомъ и исключительномъ націонализмѣ, потеряетъ ее, и только полагая всю душу свою въ *сверхнародное* вселенское дѣло Христово, народъ сохранимъ ее. Какъ личное самоотверженіе, побѣда надъ эгоизмомъ не есть уничтоженіе самого *его*, самой личности, а напротивъ, есть возведеніе этого *его* на высшую ступень бытія, точно такъ же и относительно народа: отвергаясь исключительнаго націонализма, онъ не только не теряетъ своей самостоятельной жизни, но тутъ только и получаетъ свою дѣйствительную жизненную задачу. Эта задача открывается ему не въ рискованномъ преслѣдованіи низменныхъ интересовъ, не въ осуществленіи мнимой и самозванной миссіи, а въ исполненіи исторической обязанности, соединяющей его со всѣми другими въ общемъ вселенскомъ дѣлѣ. Возведенный на эту степень, патриотизмъ является не противорѣчимъ, а полнотою личной нравственности. Лучшія стремленія человѣческой души, высшія велѣнія христіанской совѣсти *прилагаются* тогда къ вопросамъ и дѣламъ политическимъ, а не противопоставляются имъ. Не должно себя обманывать: безчеловѣчіе въ международныхъ и общественныхъ отношеніяхъ, политика людоедства погубитъ въ концѣ-концовъ и личную, и семейную нравственность, что отчасти уже и видно во всемъ христіанскомъ мірѣ. Человѣкъ все-таки есть существо логичное и не можетъ долго выносить чудовищнаго раздвоенія между правилами личной и политической дѣятельности. Поэтому, хотя бы для спасенія личной нравственности, слѣдуетъ остерегаться возводить это раздвоеніе въ принципъ и тре-

бовать, чтобы человѣкъ, который къ ближайшимъ своимъ относится по христіански, а относительно прочихъ согражданъ сообразуется по крайней мѣрѣ съ юридическимъ закономъ, чтобы тотъ же человѣкъ, какъ представитель государственнаго и національнаго интереса, управлялся такими воззрѣніями, которыя свойственны придорожнымъ разбойникамъ и африканскимъ дикарямъ. Должно хотя бы сперва только въ теоріи признать высшимъ руководящимъ началомъ *всякой* политики не интересъ и не сомнѣніе, а нравственную обязанность.

Христіанскій принципъ обязанности, или нравственнаго служенія, есть единственно состоятельный, единственно опредѣленный и единственно полный или совершенный принципъ политической дѣятельности. Единственно состоятельный—ибо исходя изъ самопожертвованія, онъ доводитъ его до конца, онъ требуетъ, чтобы не только лицо жертвовало своею исключительностью въ пользу народа, но и для цѣлаго народа и для всего человѣчества разрываетъ всякую исключительность, призывая всѣхъ одинаково къ дѣлу *всемірнаго спасенія*, которое по существу своему есть высшее и безусловное добро и слѣдовательно представляетъ достаточное основаніе для *всякаго* самопожертвованія; тогда какъ на почвѣ своего интереса рѣшительно не видно, почему своимъ личнымъ интересомъ должно жертвовать интересу своего народа, и точно такъ же совершенно не видно, почему я долженъ преклоняться передъ коллективнымъ сомнѣніемъ своихъ согражданъ, когда мое личное сомнѣніе признается скорѣе слабостью нравственнаго характера, нежели нормою дѣятельности. Далѣе, это есть единственно *опредѣленный* принципъ: ибо съ одной стороны интересъ, выгода сами по себѣ суть нѣчто совершенно безграничное и ненасытное, а съ другой стороны мнѣніе о своемъ высшемъ и исключительномъ призваніи еще не даетъ никакого положительнаго указанія въ каждомъ данномъ случаѣ и вопросъ; обязанность же христіанская всегда указываетъ намъ, *какъ* должны мы поступать во всякомъ данномъ случаѣ и притомъ она требуетъ отъ насъ только того, что мы несомнѣнно можемъ сдѣлать, что находится въ нашей власти (*ad impossibilia nemo obligatur*), тогда какъ стремленіе къ матеріальному интересу нисколько не ручается за возможность его достиженія, да и мнѣніе о нашемъ исключительномъ призваніи манитъ насъ обыкновенно на такія высоты, которыхъ мы достигнуть не можемъ. Поэтому мы въ правѣ утверждать, что мотивы выгоды и сомнѣнія суть мотивы *фантастическіе*, а принципъ христіанской обязанности есть нѣчто совершенно реальное и твердое. Наконецъ это есть единственно *полный* принципъ,

закрывающій въ себѣ все положительное содержаніе другихъ началъ, которыя въ него разрѣшаются. Тогда какъ выгода и самомнѣніе, въ своей исключительности, утверждая соперничество и борьбу народовъ, не допускаютъ въ политикѣ высшаго начала нравственной обязанности, это послѣднее начало вовсе не отрицаетъ ни законныхъ интересовъ, ни истиннаго призванія каждаго народа, а напротивъ, предполагаетъ и то и другое. Ибо если мы только признаемъ, что народъ имѣетъ нравственную обязанность, то несомнѣнно съ исполненіемъ этой обязанности связаны и его настоящіе интересы, и его настоящее призваніе. Не требуется и того, чтобы народъ совѣмъ пренебрегалъ даже своими матеріальными интересами и вовсе не думалъ о своемъ особомъ характерѣ: требуется только, чтобы онъ не въ это полагалъ душу свою, не это ставилъ послѣднюю цѣль, не этому служилъ. А затѣмъ, въ подчиненіи высшимъ соображеніямъ христіанской обязанности, и матеріальное достояніе и самосознаніе народнаго духа сами становятся силами положительными, дѣйствительными средствами и орудіями нравственной цѣли, потому что тогда приобрѣтенія этого народа дѣйствительно идутъ на пользу всѣмъ другимъ и его величіе дѣйствительно возвеличиваетъ все человѣчество. Такимъ образомъ принципъ нравственной обязанности въ политикѣ, обнимая собою два другіе, есть самый полный, какъ онъ же есть и самый опредѣленный и внутренне состоятельный. Но для насъ еще важнѣе то, что онъ есть единственно христіанскій.

Политика интереса, стремленіе къ своему обогащенію и усиленію свойственно натуральному человѣку,—это есть дѣло языческое, и становясь на эту почву, христіанскіе народы возвращаются въ язычество. Утвержденіе своей исключительной миссіи, обоготвореніе своей народности есть точка зрѣнія іудейская, и, принимая эту точку зрѣнія, христіанскіе народы впадаютъ въ ветхозавѣтное іудейство.

Давить и поглощать другихъ для собственнаго насыщенія есть дѣло одного животнаго инстинкта, дѣло безчеловѣчное и безбожное, какъ для отдѣльнаго лица, такъ и для цѣлаго народа.—Величаться своимъ высшимъ призваніемъ, присвоивать себѣ предъ другими особія права и преимущества есть дѣло гордости и самоутвержденія для народа какъ и для лица,—дѣло человѣческое, но также безбожное и нехристіанское. Исповѣдать свой долгъ, признать свою обязанность есть христіанское дѣло смиренія и самопознанія, необходимое начало нравственнаго подвига и истинной богочеловѣческой жизни—для народа такъ же, какъ и для лица. Здѣсь все дѣло рѣшается

не своимъ мнѣніемъ, а совѣстью, одинаковой для всѣхъ, и потому здѣсь не можетъ быть самозванцевъ. Не можетъ здѣсь быть и лжепророковъ; ибо проповѣдь обязанности не предполагаетъ ничего рокового, никакого предопредѣленія: указывать народу его обязанность еще не значить предсказывать его будущую судьбу. Народъ, какъ и отдѣльное лицо, можетъ исполнить, но можетъ и не исполнить свою обязанность, но и въ этомъ послѣднемъ случаѣ обязанность все-таки *остается* и указывавшій ее не обличается во лжи.

Въ теперешнемъ существованіи человѣчества невозможно еще и для народа и для лица, чтобы всякое удовлетвореніе матеріальныхъ нуждъ и требованій самозащиты прямо вытекало изъ велѣній нравственнаго долга. И для народа существуютъ дѣла текущей минуты, злоба историческаго дня въ прямой связи съ его высшими нравственными задачами. Объ этой злобѣ дня мы и не призваны говорить. Но есть великіе жизненные вопросы, въ разрѣшеніи которыхъ народъ долженъ руководиться прежде всего голосомъ совѣсти, отодвигая на второй планъ всѣ другія соображенія. Въ этихъ великихъ вопросахъ дѣло идетъ о спасеніи народнои души, и тутъ каждый народъ долженъ думать только о своемъ долгѣ, не оглядываясь на другіе народы, ничего отъ нихъ не требуя и не ожидая. Не въ нашей власти заставить другихъ исполнять ихъ обязанность, но исполнить свою мы можемъ и должны, и исполняя ее, мы тѣмъ самымъ служимъ и общему вселенскому дѣлу: ибо въ этомъ общемъ дѣлѣ каждый историческій народъ по своему особому характеру и мѣсту въ исторіи имѣетъ свое особое служеніе. Можно сказать, что это служеніе *навязывается* народу его исторіей въ видѣ великихъ жизненныхъ вопросовъ, обойти которые онъ не можетъ. Но онъ можетъ впасть въ искушеніе разрѣшать эти вопросы не по совѣсти, а по своекорыстнымъ и самолюбивымъ расчетамъ. Въ этомъ величайшая опасность и предостерегать отъ нея есть долгъ истиннаго патриотизма.

Наша исторія навязала намъ три великіе вопроса, рѣшеніемъ которыхъ мы можемъ или прославить имя Божіе и приблизить Его царствіе исполненіемъ Его воли, или же погубить свою народную душу и замедлить дѣло Божіе на землѣ. Эти вопросы суть: *польскій* (или *католическій*), *восточный* вопросъ и *еврейскій*. Эти три вопроса, въ тѣсной связи между собою, суть лишь разныя историческія формы того великаго спора между Востокомъ и Западомъ, который проходитъ черезъ всю жизнь человѣчества. Къ этимъ тремъ вопросамъ сводится вся наша политика, внѣшняя и внутренняя, сюда

же входитъ и наша гнетущая домашняя забота—политическій нигилизмъ или такъ-называемая „крамола“, ибо это есть только маска польскаго вопроса; нигилистическій терроръ въ нашей политической жизни болѣе всего бросается въ глаза, но это и есть назначеніе всякой маски.—Съ тѣмъ же великимъ споромъ Востока и Запада связанъ, какъ мы дальше увидимъ, и другой нашъ болѣе глубокій внутренній недугъ—церковный расколъ.

Ближайшимъ образомъ наша историческая обязанность предстаетъ намъ въ видѣ польскаго вопроса. Исторія связала насъ съ братскимъ по крови, но враждебнымъ по духу народомъ, передовая часть котораго ненавидитъ и проклинаетъ насъ. Чѣмъ же должны мы отвѣчать на эту ненависть и на эти проклятія? Повидимому дѣло ясное: мы народъ христіанскій и слѣдовательно, по евангельской заповѣди, наша обязанность отвѣчать на вражду примиреніемъ, на обиды благодареніями. Несомнѣнно такъ; но этимъ отвѣтомъ опредѣляются только наши *чувства*, наше внутреннее *настроеніе* относительно Польскаго народа; несомнѣнно, это настроеніе должно имѣть примирительный и доброжелательный характеръ, но что же далѣе? Если мы не хотимъ остановиться только на чувствахъ и улаживаться сентиментальными словами, то должны подставить реальныя величины подъ такіе общіе знаки какъ „примиреніе“ и „благодѣяніе“.

Россія должна дѣлать добро польскому народу. Кое-что ею и сдѣлано. Русское дѣйствіе въ Польшѣ не ограничивалось участіемъ въ трехъ раздѣлахъ, да подавленіемъ двухъ вооруженныхъ возстаній. Въ 1814 г. Россія сохранила Польшу отъ неизбѣжнаго овѣмеченія. Еслибы на Вѣнскомъ конгрессѣ полномочный тогда императоръ Александръ I думалъ болѣе о русскихъ, нежели о польскихъ интересахъ и присоединилъ бы къ Россіи русскую Галицію, а коренную Польшу возвратилъ бы Пруссіи, то теперь вѣроятно намъ не было бы надобности много разсуждать о Польшѣ и полякахъ. Если даже теперь польскій элементъ въ Познани, хотя имѣетъ у себя за спиною сплоченную шестимилліонную массу нашихъ поляковъ, избавленныхъ отъ германизации, все-таки, несмотря на эту опору, не можетъ устоять передъ нѣмцами и все болѣе и болѣе поглощается ими,—что же стало бы, еслибы прусскіе нѣмцы были хозяевами въ главной части Польши?

Далѣе, черезъ поль-вѣка послѣ Вѣнскаго конгресса Россія эманципацией крестьянъ освободила и Польшу отъ того ожесточеннаго антагонизма между панствомъ и хлебами, который въ корнѣ подрывалъ жизненныя силы Польши и привелъ бы польскую народность